

«В окнах храма...»

...Николай и Ольга видели, как заходило солнце, как небо, золотое и багровое, отражалось в реке, в окнах храма и во всём воздухе, нежном, покойном, невыразимо-чистом, какого никогда не бывает в Москве.

А. П. Чехов. Мужики.

Осталось в преданиях

Вспомним историю скромного русского села Мелихова, не отличающегося особыми красотами. Нет здесь ни холмов, ни оврагов, ни родников, ни рек, ни озёр. Мелихово - просто большая поляна, окружённая со всех сторон лесом.

В письменных источниках Мелихово впервые упоминается в 1704 году. Речь идёт о пустоши, построенной «для сторожи лесов». К середине XVIII века пустошь превратилась в деревеньку, владельцем которой стал поручик Андрей Григорьевич Наумов. В это время в ней находилось 39 крестьянских дворов.

27 апреля 1756 года А. Г. Наумов подал прошение в Духовную консисторию о разрешении на строительство в его вотчине храма. Он уступал церкви часть своей земли. Деревянный храм был построен через год и освящён 16 марта 1757 года протопопом московского Успенского собора. При Наумове в мелиховском храме Рождества Христова служили священник Василий Васильев и дьячок Николай Антонов. Кстати, после строительства церкви село пытались переименовать в Рождественно, но название не прижилось. Мелихово так осталось Мелиховым.

По устному преданию, рассказанному в пятидесятые годы прошлого века деревенскими старожилами Юрию Авдееву, тогда молодому директору

музея А. П. Чехова, поручик Наумов построил в Мелихове церковь по обету, когда заболела его юная дочь. Девушка умерла, но в память о ней отец завершил строительство церкви и помогал её содержать.

В семидесятых годах XX века начали копать могилу за алтарём церкви и наткнулись на древний, кирпичный, на известковом растворе, склеп. Послали гонцов в музей. Прибежала Любовь Лазаренко, тогда главный хранитель музея. Из отверстия в своде склепа достали кусочек необыкновенного льняного кружева. Любовь Яковлевна решила не трогать старинное захоронение, и потревоженную могилу быстро закопали. Можно лишь предположить, что в тот день была случайно обнаружена могила дочери поручика А. Г. Наумова, в честь которой и была построена церковь. Порыв души отца помог создать совершенный архитектурный образ. Забылось имя девушки, но в гармонии деревянных форм осталась живой красота.

По высоте вкуса и разумения

В XVIII веке время былых эпических шатров миновало, а русский плотник продолжал рваться вверх. Срубил один восьмерик над большим - показалось мало. Срубил ещё - показалось странным, непривычным глазу. И тогда увенчал своё произведение длинной шейкой с главкой. Мелиховская церковь всегда очаровывала своим изяществом и устремлённостью ввысь.

Шло время. От большого дома Наумова (он находился неподалёку от церкви) до наших дней дошёл только фундамент. Земли Мелихова были разделены между несколькими помещиками. В 1811 году мелиховскую церковь приписали к церкви Рождества Пресвятой Богородицы, которая находилась в Васькине (другое название села - Новорождествено).

Новые владельцы Мелихова в 1834 году отремонтировали церковь в соответствии с новой модой. Досками обшили стены из лиственницы,

покрыли крышу железом. При этом убрали верхние ярусы и высокий купол. Церковь стала выглядеть низкой, приземистой.

Документы свидетельствуют о неприятном эпизоде, произошедшем в мелиховском приходе. В июле 1844 года крестьянка Федосья Иванова «умышленно зарыла, и после, будто по сновидению, вырыла близ алтаря икону Смоленской Богоматери». Федосье «способствовал» священник Василий Озеров, который за участие в этом деле был наказан и «штрафован». После этого церковь Рождества Христова в Мелихове «отписали к Крестовоздвиженской церкви, что на Люторице» (в Сокольникове). Это произошло в 1844 году при служившем в Сокольникове священнике Николае Беляеве. Через три года в 1847 году её вернули под крыло васькинского храма. Однако праздник Воздвижения Креста Господня с тех самых пор жители Мелихова продолжали считать своим престольным праздником.

Иконостас мелиховской церкви возобновили в 1857 году. Дома для священника в селе так и не построили. «Причта издавна не имеется», - сообщает «Ведомость о приписной церкви Рождества Христова, что в Мелихове».

Чеховы в мелиховской церкви

Одна из первых встреч писателя с мелиховскими крестьянами произошла именно в церкви. «У нас Пасха, - писал Чехов издателю А. С. Суворину 6 апреля 1892 года, вскоре после переезда в деревню. - Церковь есть, но нет причта. Собрали со всего прихода 11 рублей и наняли монаха из Давыдовской пустыни, который начал служить с пятницы. Церковь ветхая, холодная, окна с решётками, плащаница - это доска в 1 ½ аршина длиною с тусклым изображением. Пасхальную утреню пели мы, т. е. моя фамилия и мои гости, молодые люди. Вышло очень хорошо и стройно, особенно обедня. Мужики остались предовольны и говорят, что никогда служба у них не проходила так торжественно».

Дневник отца писателя, Павла Егоровича Чехова, начавшийся с записи «Господи, благослови!» - стал летописью религиозной жизни Мелихова конца XIX века. Павел Егорович описывает, как он и его семья участвовали в службах мелиховской церкви: «Пели утреню и обедню с чувством»; «я читал Канон и Апостола и пел на клиросе»; «по просьбе Батюшки читал Часы и пел»; «Таня Щепкина <писательница и переводчица Т. Л. Щепкина-Куперник - О. А.> и Маша <Мария Павловна Чехова> были в церкви. Христосовались со Священником» и т.д. (цитируя П. Е. Чехова, мы сохраняем особенности его орфографии»).

Из дневника мы узнаём, как проходили в деревне крестные ходы: «Духов день. Служба и крестный ход через усадьбу и четверугольник в красные ворота, на крестьянскую землю». Чеховы называли «четырёхугольником» часть своей усадьбы, где находились хозяйственные постройки. Через красные ворота (так они были покрашены) въезжали на чеховскую усадьбу. Не раз Павел Егорович рассказывал о «молебствованиях» о дожде: «Святую воду лили в колодцы и пруды». 31 мая 1896 года он писал: «В Мелихове после обедни был крестный ход по случаю бездождия. Полдень + 35 градусов».

В Мелихове не было постоянного священника. Служили монахи из Давидовой Пустыни, священники из Сокольникова, Новосёлок, но чаще всего - из Васькина. П. Е. Чехов отмечает каждый приход в свой дом священников, псаломщиков, монахов.

Особенно он сблизился с васькинским священником Николаем Филипповичем Некрасовым, который скоро превратился для него в «своего батюшку». Батюшка и псаломщик стали постоянными гостями в доме Чеховых - обедали, ужинали, любили «пирог с вязигой на горчичном масле». Рецепт, забытый ныне. Потому поясню, что вязига - это употребляемые в

пищу сухожилия, расположенные вдоль хребта у красной рыбы, стерляди, севрюги.

Стиль дневника Павла Егоровича лаконичен, но не лишён юмора. Вот как он описывает, например, переезд знаменитого сына во флигель: «Антоша перебрался в Скит. Подвизается в посте и трудах, отшельником, удаляясь от мирской суеты». Когда же П. Е. Чехов уезжал, то Антон Павлович сам делал в его дневнике записи, сохраняя особенности речи отца: «Молебен в Мелиховской школе. Священник обедал у нас» (29 августа 1898 года).

Удивительно, но у семидесятилетнего старца Павла Егоровича хватало сил, чтобы побывать во многих храмах лопасненского края («на санях», «на колёсах», часто пешком). Стоял он на службах в Крюкове, Сокольникове, Талеже, Новосёлках, Щеглятьеве, в Старом Спасе. Постоянно ездить на службу было не просто: «к церкви езда и ходьба невозможная»; «дорога прескверная»; «колкая дорога на колёсах»; «дорога подлая, грязь, ухабы, наполненные водою», - жалуется Павел Егорович. И всё же неуклонно продолжает свои поездки.

Паломничество в Пустынь

И Павел Егорович, и Антон Павлович Чеховы часто ездили или ходили пешком в Давыдову пустынь. Так всегда говорили и писали Чеховы, а также многие прихожане и священники того времени. Теперь монастырь называют Давидовой пустынью. Известно, что Чехов был большим знатоком и ценителем колокольного звона. «В Давыдовой пустыни поднимали колокол, - писал Чехов Суворину 15 мая 1892 года. - Звучит неважно, глухо; говорят, что разбили. Место, где монастырь, похоже немножко на Святые горы. Прекрасная мельница. От нас 2-3 версты. В монастырских прудах кишмя кишит рыба». По приглашению игумена Чеховы ловили рыбу в этих прудах.

Они любили возить в монастырь и своих гостей: «Были в гостях у Монахов, гуляли в парке», — сообщал Павел Егорович. Он хорошо знал монахов Киприана, Ипатия (своего духовника), Паисия, Сыся, Иоанна, Митрофана, бывал у них в кельях, обедал с ними. Посещал и архимандрита Валентина, настоятеля Давидовой пустыни. Подчас и ночевать оставался в монастыре. Очень любил хор: «Служба Монастырская, певчие поют хорошо-усладительно», - радовался Павел Егорович. Отмечу, что и Антон Павлович в своём дневнике, в котором он отмечал только важные события, записал 4 мая 1897 года: «Приходили в гости монахи из монастыря».

К Давидовой пустыни была приписана часовня у Москворецких ворот, где хранилась чудотворная, изображавшая Главу Спасителя, икона Всемиловитого Спаса, которую часто вывозили для домашних молебнов. Копия иконы в серебряной вызолоченной ризе находилась в монастыре. Приносили эту икону и в имение Чеховых. Например, в июне 1893 года П. Е. Чехов записывает: «Икону приносили в Мелихово»; «Воскресенье. Икона была в Саду».

Т. Л. Щепкина-Куперник, часто гостившая в Мелихове, вспоминала об отце Чехова: «Он был очень богомолен: любил ездить в церковь, курил в доме под праздник ладаном, соблюдал все обряды, а у себя в келье отправлял один вечерню и всенощную, вполголоса читая и напевая псалмы. Помню, часто - когда я проходила зимним вечером мимо его комнаты в отведённую мне, я слышала тихое пение церковных напевов из-за дверей, и какой-то особенный покой это придавало наступлению ночи...».

«Я стал архитектором...»

В 1896 году А.П. Чехов взялся за строительство деревянной колокольни для мелиховской церкви. Староста деревенской общины Прокофий Андрианович Симанов вспоминал: «Мужики толкуют - надо колокольню построить. Антон Павлович говорит: «Ведь это хлопот много.

Надо архитектора требовать». Вытребовал архитектора. Посмотрел тот и начертил план. Антон Павлович попросил мужиков, чтобы собрать денег и говорит: «Постараюсь и я с вами тут». Деньги собрали так: написал Антон Павлович прошение лично сам и послал графине Орловой, чтобы она что-нибудь пожертвовала на бедный храм. Я ездил с прошением. Антон Павлович мне наказывает: «Прокофий, поезжай и отдай ей прошение». Лицо она большое. Она мне дала только 50 рублей. И он сильно обиделся на неё: «Вот, я ходил и лечил её, в год холеры носился, она знает как, и дала только 50 рублей».

Но трудности сбора денег не остановили Чехова. 20 июня 1896 года он писал Суворину: «Строю колокольню. Посылаем во все стороны воззвания о пожертвованиях. Мужики подписываются на больших листах и прикладывают тусклую грязную печать, а я посылаю по почте». 29 июля Антон Павлович, вложив в строительство собственные деньги, уже сообщал брату Александру о завершении работ: «В Мелихове построили новую колокольню». «Я стал архитектором. Построил школу <в Талеже - О. А.>, построил колокольню»; «колокольню кончил», - писал Чехов 11 и 13 августа 1896 года своим петербургским корреспондентам М. О. Меньшикову и А. С. Суворину.

Первого октября 1896 года на церкви и на колокольне в Мелихове установили выписанные Чеховым с Украины восьмигранные зеркальные кресты, которые при свете солнца и луны были видны на 7-8 вёрст окрест. Крест представлял собой чугунную основу, в которую были помещены большие кристаллы горного хрусталя. Павел Егорович писал в дневнике: «Утром солнце всходило ясно. Будут на колокольню кресты подымать. + 25. Облаков на небе нет. Ветер. К вечеру кресты Павел <работник из Васькина — О. А.> поставил на церковь».

Белые пятна в истории мелиховского храма

Деревянная церковь Рождества Христова стоит на окраине деревни Мелихово. За ней восходит солнце, подсвечивая красными всполохами серебристый лемех на куполе храма; в утренний туман кутается лес вдали - этот светлый берёзовый лес Чехов называл «Дальний Восток». Мелихово всегда состояло из нескольких слободок. Слобода Воробьёвка заканчивалась церковью.

Мои собственные воспоминания о храме начинаются с пятидесятих годов. Помню церковь, заваленную какими-то пыльными мешками. В пятидесятые годы в ней ещё находился колхозный склад. Потом над церковью взял негласное шефство музей. Порой там ночевало по три группы туристов. В то время жители близлежащих домов уже внимательно следили, чтобы не было никаких беспорядков. И всё-таки запертые двери часто выламывались: в деревянной церкви не раз пытались развести костёр, - но огонь всегда успевали погасить.

Но что происходило с храмом раньше - после революции, в двадцатые, тридцатые годы? Об этом мало кто помнит. В Чеховском городском архиве сохранились уникальные документы, которые рассказывают о судьбе мелиховской церкви в трагические годы гонений.

Радетели церкви

Чтобы сохранить свою церковь, 24 октября 1923 года «граждане села Мелихово Бавыкинского уезда заключили договор с Серпуховским Советом рабочих и крестьянских депутатов» и «получили в бессрочное пользование здание храма в селе Мелихово». Для этого надо было написать кипу бумаг в нескольких экземплярах. Но для нас эти документы донесли массу интересных сведений.

Ответственными лицами при заключении договора стали священник из села Васькино Григорий Виноградов (тот самый, который ещё в молодые годы понравился отцу писателя), псаломщик Александр Розанов и церковный староста мелиховской общины Василий Яковлев. Членами

приходского церковного Совета в Мелихове были Иван Журавлёв, Иван Симанов, Василий Коротков, Никита Скворцов. Все они - главы семей коренных мелиховцев, потомки которых и теперь не потеряли связь с родным селом.

Была произведена опись имущества церкви, которая всегда была небогатой. «В церкви - один престол, один жертвенник, одно Евангелие большое, одно - малое, одна дарохранильница серебряная, два креста медных, один семисвечник, один трёхсвечник, 12 подсвечников, 12 лампад, одна пара хоругвей, одно паникадило, два кадила, два распятия, 12 икон в киотах, семь - в ризах, иконы для крестного хода, четыре аналоя, одна плащаница, две пары новых облачений, одна пара венцов, один церковный свечной ящик, два шкафа с ящиками, один столик, два кувшина, три тарелки». Таковы были мелиховские «церковные ценности», вскоре ставшие предметом зависти представителей новой власти.

Устав «Религиозного общества канонического православия Христорожественской церкви» (выражение «каноническое православие» означает, что община не поддавалась новым веяниям и подчинялась патриарху Тихону) содержит сведения о родословных современных мелиховских жителей - документ подписали их прадедушки и прабабушки. Кроме имени, отчества, фамилии сообщается «дата присоединения к культу»: крестьяне писали «от роду» - значит, речь идёт о дате рождения. Сообщаются и сведения об имуществе. У всех одинаковая запись: «дом с пристройками».

Всего подписали устав 116 человек. В 1923 году эти люди выступили за открытие нашей церкви. Назову с детства знакомые фамилии: Жаровы, Журавлёвы - Андрей Александрович, Мария Кондратьевна, Агафья Тимофеевна, Мисаил Васильевич (замечу, что имя Мисаил встретишь не часто. Зато вы найдёте его у Чехова – вспомните: героя повести Чехова «Моя жизнь» зовут Мисаил Полознёв). Но продолжим список: Коротковы, Логиновы, Машковы, Симановы, Скворцовы, Слёзкины. Потомки этих

людей живут в Мелихове или приезжают сюда на лето. Хотелось бы, чтобы они поминали своих предков в нашей церкви, около которой похоронены их предки - радители храма.

Подписали устав мелиховской общины и члены тех семей, фамилии которых мы знаем только по переписке Чехова или по воспоминаниям его современников. Список членов Религиозного общества в Мелихове вновь подавался в Серпуховской Совет 24 ноября 1925 года. Теперь он насчитывал ещё больше фамилий: его подписали 127 человек. Вместо В. Ф. Яковлева церковным старостой стал Иван Егорович Журавлёв.

«...Разрушим до основания...»

Удивительно, как похожи друг на друга документы, повествующие о закрытии далёких друг от друга храмов. Словно все события происходили по одному спущенному сверху и написанному под копирку сценарию. Я сознательно старалась сохранить канцелярский стиль документов, которые якобы были написаны крестьянами. На деле же они и слов-то таких не знали.

Гонения на церковь усиливались. В списке, составленном 24 июля 1929 года, мелиховская церковь названа среди незакрытых. В это время, чтобы провести собрание верующих, требовалось особое разрешение Лопасненского исполкома. Разрешение было получено – об этом свидетельствует протокол собрания мелиховской общины в 1930 году, написанный карандашом. На собрании избрали новый церковный совет, в который вошли Николай Соловьёв, Иван Коротков и Прасковия Колюбанова. В пункте «Разное» было принято актуальное и для наших дней решение: «Похороны без разрешения церковного совета не допускаются».

Участники собрания не знали, что 9 февраля 1930 года лопасненскими властями был составлен список церквей, подлежащих закрытию, «так как все церкви являются безхозяйственными» (оп. № 3, ф. 29, д. 12). В этот список попала и мелиховская церковь. Чтобы было к чему придраться, была вновь сделана опись церковного имущества. Проверку проводило Лопасненское

РАО в присутствии понятых. В результате проверки были выявлены вещи, не записанные в предыдущем списке. Таковыми оказались: жаровня для угля, два ковша, 21 риза, девять покровов, четыре мантии, 20 покрывал воздушных, две шторы от «царских дверей», десять фартуков, три стула, три подставки для книг, три полотенца, сорок книг, 20 распятий, два столика, шесть висящих подсвечников, складная лестница, три ковра, один фонарь. Икон обнаружилось больше, чем в 1923 году: 28 - на иконостасе, 11 - в ризах, 21 - без риз. Посчитали и колокола: их было четыре.

На этот раз закрыть церковь не удалось. Лопасненский исполком сообщил, что «согласно Постановлению Президиума Окружного Исполкома от 13 октября 1930 года церковь в Мелихове разрешено открыть». Документ подписали председатель РИКа Кочергин и секретарь Бычков.

Церкви надеялись удушить налогами. Каждый год составлялись списки церковных общин, не сумевших заплатить налог. У мелиховской общины недоимок за прошлые годы не было. За 1930 год требовалось заплатить 20 руб., за 1931 - 25 руб. Налог за строения за 1929-1930 гг. составил 4, 5 рубля, за 1930-1931 - уже 29 рублей. Земельная рента за 1930-1931 гг. - 14 рублей. Мелиховские крестьяне сумели собрать деньги для уплаты налога. В списке церквей, закрытых в 1931 году, мелиховский храм не значится.

Но атеистическая власть не успокаивалась. Чтобы закрыть церковь, требовалось наличие нескольких бумаг, подтверждающих согласие жителей деревни. Составлялись они весьма небрежно, по одной общей схеме. Сохранилась выписка из «протокола общего собрания граждан села Мелихово Васькинского районного сельского Совета от 12 марта 1931 года о закрытии Мелиховской церкви». Собрание «постановило»: «Принять все меры к налаживанию культработы, обеспечить Красный Уголок топливными средствами и развернуть в нём работу. Собрание считает: закрыть имеющуюся Церковь и помещение передать в распоряжение районного сельского Совета для использования её под культурную жизнь. Имеющиеся

средства в кассе Церковного Совета передать в Красный Уголок. О закрытии церкви просили единогласно. Председатель: Скворцов».

Второй документ датируется 20 марта 1931 года. Это выписка из протокола собрания мелиховской ячейки ВЛКСМ и жителей деревни. Присутствовало всего 17 человек. Заметим: в церковную общину входило 127 человек.

«Слушали: доклад товарища Боркова об антирелигиозной кампании и закрытии церкви в с. Мелихово. Постановили: 1. Вести среди населения пропаганду против религии, втягивая население в культурную работу. 2. Вести разъяснительную работу по закрытию церкви и использованию её под культурные нужды. Секретарь ячейки ВЛКСМ: Н. Скворцов».

Вскоре, 31 марта 1931 года, составили третью бумажку: «В Президиум Васькинского сельского Совета от молодёжи села Мелихова. Молодёжь села Мелихово просит данную церковь использовать под культурные нужды, как клуб, избу-читальню и библиотеку, так как помещений других под культурные нужды село Мелихово не имеет. Н. Скворцов».

Так, семнадцать юношей во главе с молодым секретарём комсомольской ячейки решили судьбу храма. В перечне «функционирующих зданий культа», составленном 1 января 1932 года, мелиховской церкви Рождества Христова уже нет. Однако, по воспоминаниям деревенских старожил, церковь продолжала работать: службы в ней велись, пели певчие на клиросе, который, кстати, располагался не с правой стороны, а с левой (у боковой двери). Видимо, власти отчитались и на время успокоились - до следующей волны репрессий.

Мелихово в послереволюционные годы

В Мелихове успешно работала сельскохозяйственная артель, открытая в 1920 году. В неё вошли 25 дворов. Артель получила первый в Лопасненском уезде трактор. Чеховский фруктовый сад продолжал плодоносить. На базаре в

Москве нарасхват шли «чеховские» яблоки. Из брёвен разобранного чеховского дома построили столовую (этот дом сохранился, теперь там находится дирекция музея А. П. Чехова). Крестьяне, передавшие свой скот в артель, все вместе питались в столовой. В деревне работали ясли.

Но очень скоро начались гонения, аресты, репрессии. В 1926 году в сельский Совет поступил грозный приказ: «Собрать сведения о мелиховских гражданах». Вспомнили о старике Воронцове, который до революции занимался торговлей. А. П. Чехов, говоря о владельце мелиховской бакалейной лавочки, писал: «рассуждающий Воронцов» или «у Воронцова две лошади и все они застрахованы у меня». Что это значит? В 1922 году 75-летний Степан Семёнович Воронцов рассказывал сотрудникам Московского музея Чехова: «У меня в один год три лошади пали. Чехов сам страховку на свой риск делал. Люди пашут, а у меня лошади нет. Пошёл я к Антону Павловичу, он дал мне 40 рублей, и я купил лошадь».

К 1930-му году в деревне жили уже известный нам Степан Воронцов (ему было 82 года) и его сыновья - Пётр Степанович, 52-х лет, и Василий Степанович, молодой 28-летний парень. Все они, их жёны и дети, были приговорены к «лишению прав». Тогда почти забытое нами слово «лишенец» вызывало страх. Этим клеймом метили «социально чуждые элементы». «Лишенцы» не имели права занимать административные должности, не включались в систему снабжения продуктами и товарами, детей «лишенцев» не принимали в вузы, исключали из школ, они могли учиться только до четвёртого класса.

Документы рассказывают о том, чем владели «богатеи» Воронцовы. Старший брат имел дом 7 на 7 аршин (в аршине - 71 см.), сарай, тыновой забор (частокол), плуг и борону. В графе количество скота написано: «Нет ничего». П. С. Воронцову удалось доказать, что хозяйство его середняцкое. После четырёх лет неустанных хлопот и мытарств, его восстановили в правах. Вскоре семья уехала из Мелихова.

Однако массовая кампания по «лишению прав» стала прологом к более страшным репрессиям. Многие из тех, кто попал в списки «лишенцев», погибли в ссылках и лагерях. Старики вспоминали, как в один день в Мелихове было арестовано 22 человека. Большинство из них выпустили, но они уже не остались жить в деревне. Срочно распродали, а то и просто бросили имущество и разъехались кто куда: в Подольск, в Серпухов, в Москву, а некоторые и ещё дальше (например, одна из коренных мелиховских семей в результате переездов оказалась в Кёнинсберге).

«Лишенцы» Чуфаровы уехали в Москву, но и это их не спасло. Матрёна Григорьевна и Владимир Михайлович родились в Мелихове, в детстве были знакомы с А. П. Чеховым, позировали сестре писателя М. П. Чеховой. Анна Михайловна Чуфарова служила горничной в доме Чеховых в Мелихове. Переехавшись в Москву, Чуфаровы торговали на Перовском рынке. В 1938 году их обвинили в «контрреволюционной деятельности среди жильцов дома, направленной против политики партии и советской власти», арестовали и расстреляли на Бутовском полигоне. Ещё раньше, в 1933 году УНКВД Московской области арестовал и приговорил «по политическим мотивам» Егора Михайловича Чуфарова, считавшегося в деревне кулаком. Похоже, что и он сгинул в лагерях, потому что сведений о его освобождении не имеется.

Храм закрыли, видимо, в 1937 году, а в следующем году началась «культурная жизнь», о которой мечтали комсомольцы: они добрались до вожделенной «церковной кассы». С колокольни, которую построил А. П. Чехов, сбросили колокола, а потом разобрали и саму колокольню. Разбили зеркальные кресты, установленные благодаря хлопотам писателя. Сорвали с иконостаса и сожгли старые иконы. Мелиховская жительница Клавдия Ивановна Машкова вспоминала о страшном костре, в котором горели церковные святыни. Об этом же мне рассказывала и Мария Ивановна Короткова, коренная жительница Мелихова. «Как сейчас вижу костёр, лица парней-комсомольцев вокруг, - говорила М. И. Короткова. - Женщины,

девушки пытались выхватить из огня, спасти хоть что-то, но парни отбирали и, смеясь, вновь бросали в огонь. Отбирали, да ещё и били. И, поверь, ни один из тех, кто стоял вокруг этого костра, не вернулся живым с войны - кровью искупили свой грех. Недаром говорят, Бог поругаем не бывает...»

Ветхая церковь пережила безбожные годы, когда в Мелихове были сожжено, разрушено, разворовано многое - и большой чеховский дом, и дома его соседей-помещиков. Церковь превратили в склад.

Первый реставратор церкви - Сергей Чехов

В возрождающемся мелиховском музее в пятидесятых-шестидесятых годах прошлого века подолгу жила семья племянника писателя: художник Сергей Михайлович Чехов, его супруга, пианистка Валентина Яковлевна, и молодая пара - Сергей Сергеевич (внучатый племянник) с женой Евгенией Филипповной. Эта семья не просто передала в фонды музея сотни чеховских реликвий, но и помогла создать неформальную, тёплую, семейную атмосферу, которая отличала мелиховский музей-заповедник.

Художник Сергей Сергеевич Чехов (1937-1975) умер трагически рано - в 37 лет. Как красив был этот, внешне очень похожий на своего знаменитого предка, молодой человек - глаз не отвести... И разносторонне образован, и талантлив. В 1961 году Сергей Чехов окончил Суриковский художественный институт, много работал. Он был большим знатоком истории архитектуры, её исследователем. Авторы каталога посмертной выставки Сергея Чехова справедливо писали о его «деятельной, общественно активной натуре»: «Он был горячим поклонником русской старины, активнейшим членом Общества охраны памятников» (К. Эдельштейн).

Напомним, что хлопоты Сергея Сергеевича Чехова спасли от закрытия в хрущёвские годы церковь в Старом Спасе, сохранили для жителей Чеховского района святое намоленное место.

Именно Сергей Сергеевич, забравшись на проржавелую железную кровлю мелиховской церкви, обнаружил под ней древний остов и

серебристые деревянные чешуйки лемеха, которым на Руси испокон веков покрывали крыши храмов. С обстоятельностью учёного он изучил и восстановил в чертежах прежний облик, разыскал старинные документы, подтвердившие его открытие. Специально созванная комиссия поставила под Государственную охрану редчайшее в Московской области произведение древнерусского зодчества. Сергею этого было мало - он добился решения о реставрации, торопил её начало, следил за ней, пестовал. И реставрация была осуществлена.

Думаю, только художник, носящий фамилию Чехов, мог принять столь смелое решение: восстановить церковь не такой, как она выглядела при жизни А. П. Чехова, но в её изначальном, древнем облике.

Сергей Чехов вместе с молодыми друзьями отремонтировал церковь, сам сделал первый проект реставрации, привлёк к этому делу известного архитектора Николая Свешникова, который и создал окончательный проект. В 1966 году реставрация храма, памятника древнерусской деревянной архитектуры, была завершена.

«Мне эта церковь как невеста», - говорил Сергей Чехов. Белый известковый камень в правой стороне кладбища - скромный памятник молодому художнику, который так любил мелиховскую церковь и так много для неё сделал. Он завещал похоронить себя возле неё - в отличие от всех Чеховых, упокоившихся на Новодевичьем кладбище в Москве. Рядом с ним похоронена его мать Валентина Яковлевна Чехова.

Пожар

Художник Юрий Авдеев (1918-1987), создавший музей-заповедник А. П. Чехова, множество раз писал мелиховскую церковь. Его последняя картина, написанная в год смерти, называется «Прощание». Мелиховский храм изображён на фоне ярких всполохов восхода. Они напоминают пожар. Может быть, художник предчувствовал судьбу церкви, которую так любил и хотел сохранить?

В декабре 1994 года, в дни Рождественского поста, мелиховская церковь Рождества Христова сгорела. А открылась она лишь за два года до этого, в 1992 году, тоже на Рождество. Тогда после многих лет забвения окна церкви вновь осветили свечи. Несколько поколений мелиховцев выросли, не видя огонька в окнах храма. И вот зазвучало молитвенное пение. Притихшие, растроганные стояли на первой Литургии и деревенские жители, и московские гости. Страшно волновался, будто предчувствуя беду, больной старик-священник.

Перед ним стояла невыполнимая задача. Как служить в церкви, которая и сто лет назад казалась «ветхой» наблюдательному А. П. Чехову? Как её сохранить и в то же время обогреть помещение, если насквозь продуваются вековые бревенчатые стены, если во время службы в прорехи влетают галки? Справиться с этой сложной задачей было не под силу ни священнику, ни его маленькой общине. Скоро стало ясно - церковь в опасности. И помощи ждать неоткуда. К сожалению, в тот трудный момент сотрудники музея интереса к проблемам церкви не проявили. Странная судьба: храм сгорел, когда его передали Русской Православной церкви. После пожара упал купол, обвалилась крыша. Чёрные обгоревшие стены навевали неизбывную печаль. И всё-таки храм восстал из пепла.

Восстановили по обету

После пожара казалось, что чёрные обгоревшие брёвна навсегда останутся рядом с могилами Сергея Чехова и его матери, моих родителей, моих односельчан. Но случилось так, что в тот рождественский вечер 1992 года на первую Литургию в мелиховской церкви на рейсовом автобусе приехал молодой человек с добрыми глазами. Оказалось, что он художник, выпускник Строгановки. Скромный москвич Вадим Овсянников среди неопытных ещё прихожан как-то сразу стал своим и нужным человеком. Вскоре он вновь появился в Мелихове, где всё лето, с утра до ночи, писал иконы.

Молодой художник стал случайным свидетелем того, как догорала мелиховская церковь, видел, как обрушилась крыша, как упал купол. Сгорели все написанные им иконы, исчезли в огне его мелиховские пейзажи. Все вокруг отчаялись, а Вадим Овсянников надежды не потерял. И он объединил многих, совершенно разных людей, своей дерзновенной уверенностью, что Бог поможет восстановить храм.

Церковь была построена по обету, по обету она и восстанавливалась: Вадим Овсянников после пожара круто изменил жизнь, принял сан священника. Отныне все душевные и физические силы отца Вадима были отданы восстановлению храма. Думаю, что свои полотна, уникальные по человеческой и художественной смелости, художник Овсянников не создал бы, не имея опыта мелиховского самоотверженного, жертвенного служения.

По молитвам нашлись и помощники, и деньги, и материалы, и рабочие. Главное - нашлись ктитеры. Ктитер - церковный староста, который берёт на себя хозяйственное попечение о храме. Это почти забытое ныне, ушедшее из повседневной речи слово, происходящее от греческого - основатель, учредитель - вернулось в нашу жизнь. Не в Москве, не в области, а именно в Чеховском районе нашлись силы, поднявшие из руин мелиховскую церковь. Ктитеры мелиховской церкви преодолели все трудности. Нашли старый проект реставрации, сделанный Н. Н. Свешниковым. Привлекли к работе архитектора Ольгу Гаеву. Издалека привезли качественный еловый лес. Церковь восстановили на старом фундаменте, сохранив её прежние размеры и формы. Добавили лишь большое висячее крыльцо с лестницей - оно опирается не на столбы, а на «выпуски» - концы брёвен, выпущенные из самого сруба.

Церковь рубила бригада строителей из некоммерческой организации «Русские начала», которую возглавлял Пётр Карелин. Православные, честно относящиеся к своему делу строители, восстанавливали церковь по старым, народным технологиям. Главным инструментом русских плотников всегда

был топор. И мелиховский храм рубили топором, как в 1756 году, - без современных технологий, без единого гвоздя, с постом и молитвой. Каждый этап строительства начинался с молебна. Постепенно поднялся высокий подклет, а потом и сам храм - четверик, рубленный «в обло»; на нём - восьмерик и двухъярусный восьмигранный барабан, завершённый изящной главкой на тонкой «шее».

Шло строительство, но церковная жизнь в Мелихове не прекращалась. После пожара отец Вадим привёз в Мелихово брёвна, предназначенные для своего дома, и за три года построил в русских традициях небольшую деревянную одноглавую церковь во имя Воздвижения Честного Креста Господня. В 1999 году она была освящена архиепископом Можайским Григорием одной из первых в Чеховском районе. Иконы и фрески в храме написаны самим Вадимом Овсянниковым и художницей Ольгой Романовой.

Жизнь продолжается

В 1999 году церковь Рождества Христова была в основном восстановлена. Работы, которые были сделаны по молитвам отца Вадима, продолжались и после его ухода за штат. Писались иконы для алтаря. Несколько раз менялись электрическая проводка, отопление. Территория вокруг храма благоустраивалась. Перед церковью и вокруг неё проложили дорожки. Опилили сухие ветви на вековых деревьях.

Обратите внимание на три старые липы, выросшие из одного корня. Они растут справа от храма и напоминают церковный трёхсвечник. В старину часто сажали липы именно так - купно. Это был распространённый прием в посадке лип в XVIII – XIX веках.

К церкви проложили новую дорогу. Благоустроили церковный пруд, который в щадящей форме почистила специальная машина-амфибия. Из илистого болотца его превратили в украшенный растениями и цветами водоём. Здесь были посажены аир, стрелолист, ирисы, чтобы помочь естественной, биологической очистке пруда.

Мелиховский погост

«...Она читала ещё о том, что в деревне теперь ясные дни, что по вечерам бывает тихо, благоухает воздух и слышно, как в церкви на той стороне бьют часы; представлялось ей деревенское кладбище, где лежит её муж; от зелёных могил веет спокойствием, позавидуешь усопшим - и такой простор, такое приволье!»

А. П. Чехов Из набросков к ненаписанному продолжению «Мужиков».

На мелиховском кладбище в церковной ограде похоронены три художника: с южной стороны - С. С. Чехов (см. о нём выше) и Ю. К. Авдеев, с восточной - О. Д. Коровин.

Юрий Константинович Авдеев (1918-1987) стал директором мелиховского музея в 1951 году. До войны он окончил Орловское художественное училище, много писал и участвовал в выставках. Доброволец 1941-го года, Авдеев начал Великую отечественную войну под Москвой, а закончил в Прибалтике, под Ригой. Закончил трагически - талантливый художник ослеп. Фронтовик, за плечами которого были пять лет полной слепоты, десятки госпиталей, бесконечные операции, - пришёл в Мелихово пешком, ведь дороги туда не было. И остался здесь навсегда. На месте чеховской усадьбы Авдеев нашёл полуразрушенный флигелек, помнившие Чехова старые липы, тополя, венгерскую сирень, затерявшиеся в бурьяне одичавшие многолетние цветы. На месте большого чеховского дома проходила дорога, во флигельке висели портрет Сталина и несколько фотографий. Кто тогда мог поверить, что в этом забытом Богом месте Авдееву удастся создать всемирно известный Государственный литературно-мемориальный музей-заповедник?

За 36 лет работы Авдееву удалось восстановить чеховский дом, флигель-кухню, чеховский сад, две построенные Чеховым школы, открыть три филиала музея, которые при его жизни работали интересно и полноценно. Авдеев написал 12 книг о Мелихове и других чеховских местах

нашего района. Когда он пришёл в Мелихово, в фондах музея числилось несколько фотокопий. После смерти Авдеева фонды насчитывали 17 тысяч единиц хранения: столько было собрано чеховских автографов, книг, подлинных вещей.

При Ю. К. Авдееве церковь Рождества Христова реставрировалась трижды (последний раз в начале восьмидесятых годов XX века), и эти работы он принимал очень близко к сердцу. Видя, как небрежно реставрируются многие исторические объекты, он говорил: «Реставратор только тогда друг памятника, когда музейщик неотлучно стоит рядом с ним». По заказу Авдеева был создан проект колокольни, построенной Чеховым. Но после долгих раздумий он от этого плана отказался. Колокольня, построенная Чеховым, не гармонировала с храмом, восстановленным в своём древнем облике.

***

Известный график Олег Дмитриевич Коровин сам выбрал место своего последнего приюта. Он восхищался мелиховской церковью и несколько раз рисовал её в последние месяцы жизни.

О. Д. Коровин (1915-2002) родился в с. Глинском под Екатеринбургом. Его дед был сельским священником. Родители принадлежали к среднему образованному классу, учительствовали на Урале. Олег Коровин окончил Пермское художественное училище, на котором теперь установлена мемориальная доска в его память. В 1938 году он потерял родителей: отца арестовали, мать вскоре после этого потрясения умерла. В 1940 г. О. Д. Коровин был принят в Союз художников РСФСР. Он преподавал тогда в Свердловском художественном училище и сотрудничал с несколькими крупнейшими книжными издательствами Перми, Свердловска, Москвы. Сотрудничал в журналах «Огонёк», «Пионер», «Мурзилка». Его имя прославили иллюстрации к книгам П. Бажова и А. Пушкина. В пятидесятых годах прошлого века художник полностью переключился на графику,

отказавшись от работы над большими полотнами. В 1972 О. Д. Коровину было присвоено звание «Заслуженный художник РСФСР». Коровин иллюстрировал книги А. Кольцова, узбекского поэта и прозаика Г. Гуляма, М. Горького, Э. Багрицкого, А. Беляева, У. Шекспира, Ю. Тынянова, И. Бунина и др. После тяжёлой операции О. Д. Коровин переехал из Перми к внуку в город Чехов. Вместе с родными он гулял по Чехову и его окрестностям. Вскоре на свет появились его новые великолепные акварели и рисунки, посвящённые чеховским местам.

Сияющий храм

26 августа 2007 года митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий освятил восстановленный после пожара храм Рождества Христова в Мелихове. Отслужил Божественную литургию, совершил здесь таинство хиротонии, рукоположения во диакона и пресвитора (священника). Служба была очень торжественной.

Владыка назвал мелиховский храм «сияющим». И в самом деле, он весь светился. Сияли золотистые деревянные стены, светильники и свечи, позолота икон, резьба по дереву и необыкновенные литые украшения. Более 10 лет было потрачено на восстановление, воссоздание и благоустройство храма.

Благочинный церковью Чеховского округа Александр Сербский (тогда он был и настоятелем мелиховской церкви) отметил: «Храм воссоздан в былом благолепии. А, может быть, теперь находится в лучшем состоянии, чем прежде». Трогательные, глубоко прочувствованные слова услышали прихожане и от митрополита Ювеналия. Он говорил о Лопасненской земле, связанной с именем Чехова, цитировал письма писателя, посвящённые храму. Митрополит заметил, что плащаница, которая удивила Чехова своим убожеством, в новом храме - древняя и благолепная. «Храм превосходит многие по своему величию, благолепию и украшению», - подчеркнул Владыка.

Митрополит подарил приходу мелиховского храма образ Богородицы, называемый «Неопалимая Купина», чтобы «Царица Небесная хранила храм от всякого зла». Митрополит Ювеналий рассказал, что «решил сам освятить храм, чтобы выразить сердечную благодарность людям, которые свои средства отдают на восстановление порушенных святынь, помогая восстанавливать православную веру».

Настоятели храма после его открытия - о. Владимир (Полетаев), о. Вадим (Овсянников), о. Евгений (Хмыров), о. Александр (Сербский), о. Георгий (Коротких), о. Максим (Цапко).

Ольга Авдеева